

УДК 930-051

И.Г. Прыжов: фрагменты жизни и творчества забытого историка и публициста (1827 – 1885 гг.)

Кургузов Павел Владимирович

Соискатель кафедры культурологии и культурной антропологии,
директор учебно-методического центра,

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
670013, Российская Федерация, Бурятия, Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40В;

e-mail: v.l.kurguzov@rambler.ru

Аннотация

В данной статье речь пойдет о полузабытом образе талантливого, горемычного и ненасытного в познании жизни и науки, упрямого в борьбе с судьбой, непоколебимо честного в своих убеждениях Ивана Гавриловича Прыжова, труды которого весьма актуальны для постсоветской России.

Ключевые слова

Россия, народ, наука, история, память, наследие, творчество.

Введение

Со страниц предлагаемой статьи перед читателем встанет полузабытый образ талантливого, горемычного и ненасытного в познании жизни и науки, упрямого в борьбе с судьбой, непоколебимо честного в своих убеждениях Ивана Гавриловича Прыжова, труды которого весьма актуальны для пост-советской России.

Читателю наших дней мало, что говорит это имя, хотя в первые годы после Октябрьской революции были попытки собрать, издать и исследовать те остатки, его исторического, этнографического и литературного наследия, которые чудом уцелели от ненасытной царской цензуры, от хищных рук жандармов, от «небрежности» либеральных редакторов от превратностей судьбы этого подлинного «мученика науки».

В научных и литературных кругах Прыжова, как во всей его практической, революционной деятельности, отразились жизнь и борьба, труд и творчество, мысль и дыхание народа, его лучшие идеалы, его заветные мечты и чаяния.

Он был народным глашатаем – не в том извращенном смысле, который вкладывали в понятие «народность» все те, кто примазался к великому имени народа, но всегда оставался ему чуждым и враждебным от либералов и славянофилов до мракобесов и отъявленных реакционеров. «Они, эти «поборники народа», – по справедливому замечанию самого Прыжова, – осуждены были жить среди собственного народа, как среди врага, должны были считать его врагом, поступать с ним, как с врагом, должны были хитрить и скрывать эту вражду, маскируя ее разными лицемерными лозунгами и «побуждениями», вроде «любви к народности», «верности старине», «соблюдения национальных традиций». С этими лозунгами совсем неплохо уживалась базовая триада: «самодержавие, православие и народность».

Не ту, совсем не ту «народность» выражал Прыжов, которая по его словам, «с подлой либеральностью поддельваясь под народный говор, свысока

трактовала его «хранилищем коренных словесных основ», но в то же время «с высоты своего буржуазного величия» горделиво рассуждала о том, что «народность» – понятие нисколько не научное, а сам народ – «дикая чернь». Такая фарисейская «народность» могла быть создана, по справедливому замечанию Прыжова, «только дармоедной буржуазией или праздношатающимися мозгами славянофильствующего барства, а не народом».

Прыжов часто говорил и писал о народе, – никогда, однако, не разумея под этим словом однообразную серую массу, никогда не включая в истинное понятие народа тех, кто сидит на его шее, живет его трудом, и привык «раздуться на счет любви к народу». К понятию «народ» Прыжов подходил только с классовых позиций, видя в деревне не только труженика-земледельца, но и «кулака-мироеда», в городе – не только «фабричных», продающих свой труд, но и их «хозяев», присваивающих себе все его плоды. Громкое имя той «народности», которая не сходила с языка у всякого рода либеральствующих холопов самодержавия, которые кичились священным именем «народного» и втискивали в себя всю «мерзость запустения», по глубокому убеждению Прыжова,

«должно быть вытеснено и заменено именем социальной жизни народа».

Подлинный народ – народ трудовой, создатель всех благ и ценностей, творец всех истинных сокровищ, по верным наблюдениям Прыжова, глубоко презирал всех господ, прикрывающихся его именем, и «гордо нес свою тяжкую ношу». Этот народ, хотя и представлялся его фальшивым поборникам «народности», в виде серой и некрасивой массы, зато в «силу своего социального могущества, был способен на создание величайших материальных и культурных ценностей. Именно в его «умственно-социальном складе» скрывалось «все прекрасное, чем так богата человеческая жизнь».

Именно он накопил «бесчисленные массы народных созданий», порожденных «крепким социальным складом народного ума» из которых возникали все «великие создания искусства», столь необходимые для общества». Именно он – трудовой народ – создал произведения словесности, «по их твердому и суровому языку, их сильному выражению, их энергичному складу мыслей, их глубине понятий, и очень часто – необычной художественной формы». Создал и наполнил их только ему – народу – присущим необычайно правдивым

чувством, «глубоко захваченными образами», могучей певучестью. Только здесь – в среде «рабочего народа» – могут возникнуть великие создания и могучие таланты.

Этому народу Прыжов посвятил все свое творчество, делу борьбы за освобождение и счастье его отдал всю свою многострадальную жизнь. Он был ярким выразителем дум и настроений, помыслов и стремлений этого народа – скованного, но вольнолюбивого, сдавленного, но непокоренного, ограбленного, но богатого, связанного, но борющегося.

Мужественный сын трудового народа России, он твердо верил в его светлое будущее, даже не видя еще верных путей к достижению этого будущего. В свое трагическое время, когда самодержавие культивировало «одну слякоть, одно низкое ничтожество, лицемерно заигрывающее с великими судьбами человечества». Прыжов «сквозь мрак «гнусной действительности» видел грядущий день – ему было «приятно за будущее, когда литературное господство народа принесет с собой расцвет нравственности, культуры и науки, еще невиданной в истории».¹

1 Здесь и выше приведены мысли И.Г.Прыжова, высказанные в его труде

Да, безо всяких сомнений, Прыжов был настоящим сыном русского народа. Но, кто же он? Чем близок и дорог он нам, – людям XXI века, – россиянам, которые любят историю своего народа и гордятся ей?

И почему имя его до сих пор, является своеобразным «белым пятном» в нашей истории? Почему он так мало известен не только современному российскому читателю, но и массовому читателю советского периода, несмотря на то, что советский народ признавался всеми самым начитанным в мире?

Об этом мы и постараемся рассказать нашему читателю, назвав хотя бы часть того творческого наследия И.Г. Прыжова, которое имеет самое прямое отношение к истории нашего народа, является богатейшим ее источником.

В данном случае мы не оговорились, – именно «истории нашего народа», а не «истории российского государства», ибо в соответствии с историографическими воззрениями самого Прыжова – история народа

и история государства – это совсем не однозначные истории. Настоящая история, – как он утверждал в своих спорах с известным историком С.М. Соловьевым, – это есть история народа. Не оговорились мы и в том, что сумеем рассказать лишь о «части творческого наследия И.Г. Прыжова». С одной стороны этого просто нельзя сделать в рамках отдельной статьи. А, с другой стороны, это невыполнимо по другой причине. Как писал об этом сам Прыжов: «Из всего, что только было напечатано Прыжовым, целая половина была урезана цензурой или им самим, другая же половина была исковеркана».²

Один из первых биографов Прыжова М.С. Альтман, уделяя особое внимание общественно-политическим взглядам Прыжова, а в области его научных интересов – трудам по этнографии, очень часто говорил об увлечении Прыжова именно историей. «Не будет преувеличением сказать, писал он, – что все основные работы Прыжова – это, по выражению Герцена, «пропаганда историей». При этом М.С. Альтман полагал, что исторический жанр Прыжов использовал

«Светлая сторона поэтических отношений природы и человека», написанной им в 1862 году, а впервые опубликованной в кн.: А.Ф. Мазуркевича И.Г. Прыжов. Из истории русско-украинских литературных связей. – Киев, 1958. – С. 131-164.

2 Альтман М.С. Прыжов И.Г. и его литературное наследие // И.Г. Прыжов. Очерки. Статьи. Письма. – М.; Л.: Academia, 1934. – С. 9.

как средство маскировки, призванное усыпить бдительность цензуры, отвлечь ее внимание рассуждениями о прошлом, а тем временем коснуться вопросов, имеющих современное звучание».³

В этом отношении характерно и выступление Прыжова на суде, когда он говорил: «Специальностью моею было составлять историю русского народа».⁴ Прыжов хорошо знал состояние современной ему исторической науки, внимательно следя за исторической литературой. Его сочинение «Исторические науки в России» свидетельствует о том, что Прыжов был хорошо знаком с трудами русских и зарубежных историков. Не будучи же сам удовлетворенным состоянием современной ему исторической науки, он резко критиковал историков официально-охранительного и либерального толка, настойчиво искал пути для дальнейшего развития исторической науки.

Россия всегда была богата на талантливых самоучек, выходцев из народа. Но и на этом фоне личность Прыжова, пожалуй, уникальна. Ибо

это был *историк – самоучка*, не только не прошедший университетского курса (его не проходили многие, например, Н.А. Полевой и И.Е. Забелин – личности заметные в русской историографии), но и всю жизнь вынужденный прозябать в нужде, в ужасающем болоте чиновничества, и более 10 лет, находящегося под арестом, сначала в Петропавловской крепости, а затем на каторге в Забайкалье.

Жизненный путь и творчество И.Г. Прыжова

*Образованный разночинец –
это вестник новой
России, провозгласивший войну
старому порядку
и взявшего на себя роль первого
застрельщика.*

Г.В. Плеханов

Тяжела, зла и жестока была судьба Прыжова. Он родился 22 сентября 1827 года в семье бывшего крепостного крестьянина Г.З. Прыжова, сведения, о котором, находятся в формулярном списке о службе писаря среднего оклада московской Мариинской больницы Гавриила Прыжова», датированном 24 июля 1859 года и опубликованном А.Р. Мазуркевичем в его

3 И.Г. Прыжов. Очерки. Статьи. Письма. – М.; Л.: Academia, 1934. – С. 25.

4 И.Г. Прыжов. Очерки. Статьи. Письма. – М.; Л.: Academia, 1934. – С. 392-393.

книге «И.Г. Прыжов»: «Из вольно отпущенных. Получил домашнее воспитание, в службу вступил в Московское ополчение военной силы четвертого пехотного казачьего полка во второй батальон урядником 1812 года, 5 августа. В походе и в самом сражении был под селом Бородиным 26 августа 1812 года. При возвращении из Москвы неприятеля был в преследовании его за границу во внутренность бывшего герцогства Варшавского. Поучив установленную в память 1812 года серебряную медаль на основании высочайшего Манифеста, уволен от оной службы 15 октября 1814 года. Определен в Московскую Мариинскую больницу швейцаром 15 октября 1815 года. Перемещен на вакансию писаря 3 сентября 1817 года».⁵ В должности писаря Гавриил Захарович оставался до конца своей жизни и, прослужив 43 года, умер в 1858 году.

Первый в мире крик будущего историка, этнографа и публициста Прыжова раздался в этой больнице для убогих, а первые его ощущения в жизни были – голода и холода. «В спальне, – рассказывал он, – где я, только что рожденный, лежал с ма-

терью, было приготовлено для меня молоко, но оно от холода замерзло, и я плакал с голоду, и тем началась моя жизнь».⁶

Но на плач ребенка всегда найдутся баюкающие песни взрослых. Да, были и они: «Песни, баюкающее мое бедное детство, были рассказы о прелестях «крепостного кнута», песни тем более выразительные, что они не были заимствованы с чужих уст, а повествовали о лично пережитом и крепко, рубцами, врезавшемся в память: «кнут гулял, еще по плечам моей теки и дяди – крепостных крестьян».⁷

Таковы были первые, еще младенческие ощущения и впечатления будущего автора «Исповеди», «Истории нищих на Руси», «Истории кабаков России», «Истории крепостного права», «Истории каторги и ссылки», «Истории свободы» и многих других научных и публицистических трудов.

«Детство и отрочество, – как отмечает М.С. Альтман, – он провел в больнице, в которой и родился. Уже само расположение этого заведения – в убо-

5 Мазуркевич А.Р., Прыжов И.Г. Из истории русско-украинских литературных связей. – К.: Гослитиздат, 1958. – С. 16.

6 Альтман М.С. Прыжов И.Г. и его литературное наследие // И.Г. Прыжов. Очерки. Статьи. Письма. – М.; Л.: Academia, 1934. – С. 9.

7 Альтман М.С. Прыжов И.Г. и его литературное наследие // И.Г. Прыжов. Очерки. Статьи. Письма. – М.; Л.: Academia, 1934. – С. 10.

гом здании, стоявшем в урочище, в непосредственной близости с домом умалишенных – делало и без того мрачный колорит угрюмой больницы еще мрачнее и наложило тяжелую, неизгладимую печать на весь облик Прыжова».⁸

Между прочим, это – та самая больница, где провел свое отрочество Ф.М. Достоевский, отец которого служил в ней врачом. И если пребывание Достоевского в Мариинской больнице сказалось впоследствии на всей тематике его творчества, то в такой же, если не в большей, степени сказалось оно и на творчестве Прыжова.

«Примечательно, – как справедливо подчеркивает М.С. Альтман, – что при всей разноустремленности и разнокалиберности талантов Прыжова и Достоевского есть что-то общее в самом характере их творческой деятельности, в специфичности тем и объектов творчества обоих. «Бедные

Люди» и «нищие на Руси», бытописание «пьяненьких» (заглавие одного из задуманных Достоевским романов, вошедших в качестве составной части в «Преступление и наказание») и – «История кабаков», целая галерея святош, юродивых и клинических больных у Достоевского и – «26 юродивых» и «Кликуши» у Прыжова.

⁸ Там же.

Все эти совпадения, – делает вывод биограф, – отнюдь не случайны».⁹

Между обоими питомцами Мариинской больницы – будущим нечаевцем Прыжовым и Достоевским, который являлся самым злым критиком, но, при этом, все же признавался, что мог бы и сам сделаться нечаевцем, – были какие-то, при всей их открытой враждебности, скрытые, дружественные переключки. (Более подробно о взаимоотношениях Прыжова и Достоевского можно прочитать в статье М.С. Альтмана, напечатанной в 8 и 9 номерах журнала «Каторга и ссылка» еще в далеком 1931 году).

Недаром же, будучи уже узником Петропавловской крепости, Прыжов, вспоминая свое прошлое и вспоминая больницу, где он провел свою грустную юность, тут же вспоминает и Достоевского и именно с ним сопоставляет свою судьбу: «Последнего (Федора Достоевского), рассказывает Прыжов в своей «Исповеди», – я помню немного, когда мне было еще лет шесть-семь... Итак, из Мариинской больницы суждено идти в Сибирь двоим – Достоевскому и мне. Не знаю, есть ли еще такая счастливая больница. Жертвы человечья валяются здесь»¹⁰.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Да, и в самом деле, больница эта очень примечательная. Самый затейливый писатель-фантаст не придумал бы более подходящего места, чем этот «Убогий дом» для первой встречи автора «Бедных людей» и автора «Нищих на Руси». Примечательно и другое: тот, кто впоследствии прослышет за одного из «бесов» (кличка Прыжова в кружке нечаевцев была «Чертов»), увидел своего будущего идейного противника и антагониста, автора «Бесов», еще шестилетним ребенком.

И, как бы заблаговременно подбирая актеров для будущей драмы, затейница-судьба из Мариинской больницы выдвинула еще одного человека, имя которого фигурирует как в публицистике, так и в научных трудах Прыжова. Это – сын священника Мариинской больницы, Сергей Иванович Барышев, юрист, впоследствии ректор Московского университета, из которого сам Прыжов был исключен, а его товарищи и руководимого им революционного кружка привлечены к суду как «государственные преступники» не без весьма и усердной помощи ректора-криминалиста.

Об этом Барышове Прыжов писал впоследствии в своей работе «Смутное время и воры в Московском

университете»: «Со стороны науки мы совсем не знаем Барышева, потому что среди долговременной и усердной службы он не успел заявить себя *ни одним трудом*, полезным для русского права... Мы можем указать только некоторые следы его ученых воззрений. Так, некогда он на своих лекциях доказывал необходимость смертной казни тем, что-де и Христос умер на кресте».¹¹

Но, не имеющий никаких достижений в науке, криминалист Барышев, по воспоминаниям современников, был большим знатоком в других науках. Тут уж никакие «места отдаленные» вовсе не смущали «отца-ректора», когда дело шло об укрощении строптивых сынов родной *Alma mater*.

«Режиссура истории, – пишет М.С. Альтман, – как мы видим, очень недурно распределила роли, представив каждому выходцу из Мариинской больницы ему соответствующую роль: сын бывшего крепостного крестьянина (Прыжов) сделался активным борцом революционером, сын священника Барышев – гонителем Прыжова и его единомышленников,

¹¹ Альтман М.С. Смутное время и воры в Московском университете // Прыжов И.Г. Очерки. Статьи. Письма. – М.; Л.: Academia, 1934. – С. 272.

а сын мелкопоместного дворянина и интеллигента-врача (Достоевский) – политическим, выражаясь его собственной терминологией «шатуном» и путаником, который то примыкает к революционерам (петрошевцам), то на своих вчерашних друзей ополчается злым и враждебным памфлетом». ¹² Итогом же стало то, что сквозь все индивидуальные своеобразия, и, минуя их, в каждом из них, в момент испытаний мощно сказались родовые инстинкты.

«Болезненный, страшный заика, забитый, загнанный, чуждый малейшего развития, – рассказывает Прыжов, – я был отдан в гимназию (в 1-ю Московскую), поистине лбом прошиб себе дорогу и в 1848 году кончил курс одним из первых с правом поступления в университет без экзаменов». ¹³

Однако Прыжову быстро пришлось убедиться какая реальная цена этому «праву»: его прошение на словесный факультет было ему возвращено обратно с извещением, «что не принимают по высочайшему повелению о сокращении числа студентов».

12 Альтман М.С. Прыжов И.Г. и его литературное наследие // И.Г. Прыжов. Очерки. Статьи. Письма. – М.; Л.: Academia, 1934. – С. 11.

13 Там же.

Почему именно в этом году последовало «высочайшее повеление» совершенно ясно: это был 1848 год... Напуганное разгоревшимися революциями на Западе, российское правительство почувствовало, что почва под его ногами начинает накаляться. По свидетельству известного историка С.М. Соловьева, «думали, что у нас сейчас же вспыхнет революция... но в Петербурге еще не так боялись, боялись особенно Москвы: с часу на час ждали известий о московской революции». ¹⁴

Нужно было срочно принимать какие-то меры, задушить гидру революции в самом зародыше. Было признано необходимым, взять всю страну под контроль, каждую мысль – под подозрение. А университеты, особенно их гуманитарные отделения, как естественные очаги мысли и «места скопления» молодежи были признаны особенно опасными.

Университетский устав 1835 года теперь уже казался недостаточным, целый ряд министерских циркуляров и «высочайших повелений» корректировали его.

Отказ в приеме подействовал на Прыжова очень сильно. Вспоминая его через двадцать лет, он говорит,

14 Там же.

что извещение об этом было для него «убийственнее миллионов арестов». Прыжов уже в самом начале своего пути попал, как бы в тупик. Ему был 21 год, склонности и научные интересы его уже вполне определились, именно для них он, больной и нищий: «лбом прошиб себе дорогу (и никакого преувеличения здесь нет, так же, как нет преувеличения в его словах: «вся жизнь моя была собачья»).

И вот теперь, когда он, один из первых завершил гимназический курс, имел полное право на продолжение своего образования, перед ним навсегда захлопнулись двери университета. Но делать было нечего, и Прыжов, в надежде на какие-то перемены в будущем и чтобы получить хоть какой-либо доступ в университет, поступает на медицинский факультет, ограничения на число студентов, которого не касались.

Медицина его мало интересовала и он, в течение двух лет ходил на лекции словесного и юридического факультета. Долго такое положение оставаться не могло и уже в 1850 году, он был из университета уволен, хотя еще в течение года просто на добровольных началах продолжал слушать лекции университетских профессоров, не пропуская ни одного мало-мало значимого.

Результатом такого усердия явилось написание впоследствии исторического очерка «Смутное время и воров в Московском университете», остро направленного против всей системы самодержавного гнета. Эта работа, по признанию многих современников Прыжова, дает более точную и характерную картину жизни в Московском университете, чем «все протоколы официальных историографов». Не случайно и то, что Прыжов закончил этот труд знаменательным призывом – чтобы не случилось, верить доброму слову народа: «Все минется, одна правда останется».

После исключения из университета Прыжов какое-то время служил в Московской гражданской палате, в конторе частных железных дорог. В 1869 году его втянул в подпольную организацию «Народная расправа» русский революционер-заговорщик Нечаев. В своем стремлении поскорее организовать восстание и осуществить планы разгрома самодержавия Нечаев пользовался такими крайне неблагоприятными методами и приемами борьбы, как индивидуальный террор, авторитарность, мистификаторство. Такие методы Прыжов не только не одобрял, но и отстаивал тактику пропаганды в народной массе, сам ходил

в народ с распространением революционных идей.

Убедившись, после одной попытки, в том, что Прыжов не пойдет путем террора, Нечаев стрелял в него, но неудачно, а Прыжов и далее развертывал свою работу не как террорист, а как политический агитатор, близкий по своим целям революционным демократам – Белинскому, Чернышевскому, Добролюбову и др.

Здесь мы не имеем возможности, описывать все драматические события последующей жизни Прыжова. Отметим лишь то, что сотрудничество с Нечаевым ничем хорошим для Прыжова не закончилось. 3 декабря 1869 года он вместе с другими нечаевцевцами был арестован, а 5 марта 1879 года – переведен в Петропавловскую крепость.

В 1871 году приговором суда Прыжов был лишен всех прав состояния, приговорен к ссылке в каторжные работы на 12 лет и вечное поселение в Восточной Сибири. 21 декабря этого же года была совершена публичная казнь Прыжова, а вскоре он был отправлен сначала в каторжную тюрьму в Петербурге, а затем в острог Иркутска, где он провел всю зиму 1872 года. Весной этого же года он был отправлен отбывать каторгу в Забайкалье

на Петровский железоделательный завод, где до него отбывали каторгу декабристы. И только в 1881 году Прыжов вышел на поселение, но жить спокойно вместе с женой в маленьком домике, снятом ею на берегу речки с бурятским названием Мыкырт, пришлось недолго.

В 1884 году после тяжелой болезни умерла верный спутник Прыжова, его жена Ольга Григорьевна, которая добровольно пошла с ним на каторгу и, которую он назвал в своей «Исповеди» «ангелом...редкой женщиной, каких он не встречал в течение всей своей жизни».

А в 1908 году, издавая «Исповедь» Прыжова, писательница Рахиль Хин замечала: «Пока была жива его жена, одна из тех неведомых русских героинь, жизнь которых представляет сплошное самоотвержение, – Прыжов, несмотря на крайнюю нужду, еще кое-как держался. После ее смерти он окончательно пал духом, запил и умер».¹⁵ Похоронен И.Г. Прыжов был рядом с могилой жены на кладбище Петровского завода.

Спросим себя: «Зачем же он нужен нам, людям XXI века все-

---

15 Есипов В.В. Житие Великого грешника Ивана Гавриловича Прыжова. – М.: Русская панорама, 2011. – С. 314.

ми забытый человек со странной и, вместе с тем, трагичной судьбой? Чем дорого нам творческое наследие И.Г. Прыжова?».

В ответе на эти вопросы сошлемся на мнение уже упомянутого нами выше А.М. Альтмана, – который еще в 1932 году в Москве организовал выпуск книги «Иван Гаврилович Прыжов. Очерки. Статьи. Письма» и в своей редакционной статье, в частности, подчеркивал: «Рассеянное по многочисленным столичным и провинциальным газетам, журналам и отдельным изданиям, изъятым в свое время по распоряжению правительства из продажи и библиотек, а ныне ставшим библиографической редкостью, литературное наследие И.Г. Прыжова оказалось уже при первых изысканиях гораздо значительнее, чем это можно было предположить, судя по тем скудным сведениям, которыми мы до сих пор о нем располагали»¹⁶.

Сам же И.Г. Прыжов о своем литературном наследии отзывался: так: «Я хотел собрать в одно целое не только археологические факты, но и все слезы, всю кровь, весь пот пролитые когда-либо народом, – собрать и высчитать на-

16 Альтман М.С. Прыжов И.Г. и его литературное наследие // И.Г. Прыжов. Очерки. Статьи. Письма. – М.; Л.: Academia, 1934. – С. 9.

сколько вынесет эта наука счисления».¹⁷ Немаловажно и то, что он признавал: «Из всего того, что было только напечатано..., целая половина была урезана цензурой или мной самим, другая же половина была исковерканной».¹⁸

Благодаря появившимся в наше время публикациям, хотя и крайне редким, Иван Гаврилович Прыжов известен сегодня как талантливый ученый – историк, этнограф, социолог, культуролог и публицист. Но, прежде всего, он был все-таки историком.

«Целью моих трудов, – пишет И.Г. Прыжов в своем фундаментальном произведении «Исповедь», – было на основании законов исторического движения проследить все главные изменения народной жизни, и каждое из них с первых следов их существования вплоть до нынешнего дня... Позволю себе думать, что подобная смелость не только была по силам мне, но даже отчасти была исполнена. Материал у меня был собран настолько, что я уже мог его распределить на шесть больших томов, именно:

1). Народные верования (в первые дни культуры в средних веках и теперь;

17 Там же.

18 Прыжов И.Г. Исповедь. // Минувшие годы. – 1908. – № 2. – С. 20.

2). Социальный быт (хлеб и вино, община и братство, поэзия, музыка, и драма);

- 3) История русской женщины;
- 4) История нищенства в России;
- 5) Секты, ереси, расколы;
- 6) Малороссия».¹⁹

Программа, как видим, необычно обширная, даже грандиозная. Выполнить ее целиком, да еще и с таким размахом, как этого хотел сам Прыжов («*все* главные явления народной жизни... *с первых следов их существования вплоть до нынешнего дня* – выделено нами К.П.), не только Прыжову, но и никакому человеку одному не по силам: здесь авторское увлечение породило, скорее всего, авторское и преувеличение. Но, в некоторой степени, эта программа, действительно, была им выполнена.

Это можно доказать простым перечнем его фундаментальных трудов: «Исповедь», «Юродивые и кликуши», «Очерки по истории нищенства», «Очерки по истории кабачества». «Быт русского народа», «Малороссия (Южная Русь) в истории ее литературы с XI по XVIII вв.», «Смутное время

и воры в Московском университете», «Записки о Сибири» и др.

Кроме того, Прыжовым было выполнено значительное число работ, не вошедших в наш перечень. Это, прежде всего, «История крепостного права». «История свободы», «Поп и монах как первые враги культуры», «История мещан», «История городских сословий», «Памятники народного быта болгар». И, наконец, многочисленно анонимно и под своим собственным именем рассеянные им по всей периодической печати, статьи, фельетоны и заметки на темы исторические, библиографические и бытовые.

Если мы вспомним при этом, в каких ужасающих материальных и моральных условиях приходилось Прыжову жить и работать, то мы должны будем признать его тружеником исключительным.

Подтверждением нищенского, бедственного положения историка могут служить строки из его двух последних писем. Ровно за год до своей смерти он пишет из Петровского Завода в Киев своему другу Н.И. Стороженко, расспрашивая подробно обо всех новостях и между тем, признается: «У меня даже монетки нет, что бы послать вам заказное». И тут же

19 Альтман М.С. Прыжов И.Г. и его литературное наследие // И.Г. Прыжов. Очерки. Статьи. Письма. – М.; Л.: Academia, 1934. – С. 20.

выражает просьбу: «Будете в Киеве, то ради создателя добудьте мне номер журнала, где статья Котляревского о Забелине...». ²⁰

Последним письмом, вероятно можно считать послание к старому другу А.Н. Веселовскому в начале 1885 г. за несколько месяцев до своей кончины. Оно храниться в РГБ в фонде А.Н. Пыпина. В нем И.Г. Прыжов, в частности, пишет: «Бедствую крайне в эту минуту, и чем дальше, тем хуже, что старею, и силы слабеют, особенно с тех пор, как жена успокоилась на здешнем погосте, рядом с некоторыми декабристами». И тут же высказывает просьбу: «сообщите литературному фонду..., что желал бы пользоваться пособием только ради того, чтобы окончить начатые работы: «Декабристы на Петровском Заводе»; «Подьячий на Руси» (большой труд); «Кулаки на Руси» (большой труд); «Записки о Сибири», начатые уже печататься в «Вестнике Европы» (большой труд)». ²¹

Не письма, а предсмертный стон! И все здесь его, прыжовское – страстное, ревнивое желание узнать,

как поживают, как переменялись старые знакомые, собратья по науке и творческие планы, планы, планы...

Заключение

И.Г. Прыжов хорошо знал состояние современной исторической науки, внимательно следя за исторической литературой. Его рассуждения, содержащиеся в опубликованных работах, а еще в большей степени в неопубликованное историографическое сочинение «Исторические науки в России» свидетельствуют о том, что Прыжов был хорошо знаком с трудами российских и зарубежных ученых. Не будучи удовлетворен современной ему исторической наукой, он резко критиковал историков официально охранительного и либерального толка, настойчиво искал пути для дальнейшего развития исторической науки.

Последовательно руководствуясь поставленной целью – превратить историю государства в историю народа, в историю его повседневной жизни, И.Г. Прыжов предпринял попытку рассмотреть и проанализировать состояние российской историографии середины 60-х годов XIX века. Подобно другим сторонникам демократического течения в историографии, он

²⁰ Есипов В.В. Житие Великого грешника Ивана Гавриловича Прыжова. – М.: Русская панорама, 2011. – С. 441.

²¹ Там же. С. 422.

давал отрицательную характеристику официально-охранительному направлению, считая его серьезно отставшим от требований, предъявляемых к науке, ее вчерашним днем.

Общая трактовка русской истории, принятая Прыжовым, может быть и уступала в научном отношении не-

сравненно более глубокой концепции Чернышевского и Добролюбова. Но, вместе с тем, продолжая традиции демократического направления, И.Г. Прыжов внес существенный вклад в разработку ряда проблем истории не только русского, но и других народов России.

Библиография

1. Альтман М.С. Прыжов И.Г. и его литературное наследие // Прыжов И.Г. Очерки. Статьи. Письма. – М.; Л.: Academia, 1934. – С. 9-36.
2. Альтман М.С. Смутное время и воры в Московском университете // Прыжов И.Г. Очерки. Статьи. Письма. – М.; Л.: Academia, 1934. – С. 272-314.
3. Базанов В.Г. Русские революционные демократы и народознание. – Л.: Советский писатель, 1974. – 558 с.
4. Есипов В.В. Житие Великого грешника Ивана Гавриловича Прыжова. – М.: Русская панорама, 2011. – 496 с.
5. Мазуркевич А.Р., Прыжов И.Г. Из истории русско-украинских литературных связей. – К.: Гослитиздат, 1958. – 603 с.
6. Прыжов И.Г. Исповедь // Минувшие годы. – 1908. – № 2. – С. 20-71.
7. Прыжов И.Г. Исповедь // Прыжов И.Г. Очерки. Статьи. Письма. – М.; Л.: Academia, 1934. – С. 5-29.
8. Прыжов И.Г. Записки о Сибири // Прыжов И.Г. Очерки. Статьи. Письма. – М.; Л.: Academia, 1934. – С. 315-322.
9. Прыжов И.Г. Очерки по истории нищенства // Прыжов И.Г. Очерки. Статьи. Письма. – М.; Л.: Academia, 1934. – С. 119-172.
10. Прыжов И.Г. Быт русского народа // Прыжов И.Г. Очерки. Статьи. Письма. – М.; Л.: Academia, 1934.. – С. 225-254.
11. Прыжов И.Г. Очерки по истории кабачества // Прыжов И.Г. Очерки. Статьи. Письма. – М.; Л.: Academia, 1934. – С. 196-215.

12. Прыжов И.Г. Светлая сторона поэтических отношений природы и человека // Из истории русско-украинских литературных связей. – К., 1958. – С. 131-164.
13. Цамутали А.Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60-70-х гг. XIX в. – Л.: Наука, 1971. – 252 с.

I.G. Pryzhov: details of life and creativity of the forgotten historian and publicist (1827 – 1885)

Kurguzov Pavel Vladimirovich

PhD student of the department of cultural studies and cultural anthropology,
director of the training center,
East Siberia State University of Technology and Management,
P.O. Box 670013, Klyuchevskaya str., No. 40B, Ulan-Ude, Buryatia, Russian Federation;
e-mail: v.l.kurguzov@rambler.ru

Abstract

The name Ivan Gavrilovic Pryzhov – an eminent historian, ethnographer and journalist of the second half of the XIX century – known today is not for everyone. He had difficult, unjust and evil destiny. Accused by "Nechayev case", first he was expelled from Moscow University, enclosed in the Peter and Paul Fortress, and then, after the procedure of civil penalty, exiled to hard labor in Eastern Siberia. In those places where once Decembrists were confined at hard labour, he spent more than 10 years and died in obscurity.

Although the name of I.G. Pryzhov has been returned to the Russian history by the efforts of some scientists, but in the interpretation of his relationship to the Russian history, in the assessment of his true contribution to science still known very few even by professional historians. In this paper an attempt is made to recreate, at least in fragments, the image of this man and scientist, to introduce the reader to the world of Pryzhov's understanding of the features of Russian history; considering that Pryzhov passed away almost 130 years ago, his ideas remain relevant and in demand both in science and in socio-cultural practices.

Keywords

Russia, people, science, history, memory, heritage, creativity.

References

1. Al'tman, M.S. (1934), "Pryzhov I.G. and his literary heritage", *Pryzhov I.G. Essays. Articles. Letters* ["Pryzhov I.G. i ego literaturnoe nasledie", *Pryzhov I.G. Ocherki. Stat'i. Pis'ma*], Academia, Moscow, Leningrad, pp. 9-36.
2. Al'tman, M.S. (1934), "Time of Troubles and thieves at Moscow University", *Pryzhov I.G. Essays. Articles. Letters* ["Smutnoe vremya i vory v Moskovskom universitete", *Pryzhov I.G. Ocherki. Stat'i. Pis'ma*], Academia, Moscow, Leningrad, pp. 272-314.
3. Bazanov, V.G. (1974), *Russian revolutionary democrats and folkloristic, ethnographic and historical science of the people* [*Russkie revolyutsionnye demokraty i narodoznanie*], Sovetskii pisatel', Leningrad, 558 p.
4. Esipov, V.V. (2011), *The Life of a Great Sinner Ivan Gavrilovich Pryzhov* [*Zhitie Velikogo greshnika Ivana Gavrilovicha Pryzhova*], Russkaya panorama, Moscow, 496 p.
5. Mazurkevich A.R., Pryzhov I.G. (1958), *From the history of Russian-Ukrainian literary relations* [*Iz istorii russko-ukrainskikh literaturnykh svyazei*], Goslitizdat, Kiev, 603 p.
6. Pryzhov, I.G. (1908), "Confession" ["Ispoved"], *Minuvshie gody*, No. 2, pp. 20-71.
7. Pryzhov, I.G. (1934), "Essays on the history of begging", *Essays. Articles. Letters* ["Ocherki po istorii nishchenstva", *Ocherki. Stat'i. Pis'ma*], Academia, Moscow, Leningrad, pp. 119-172.
8. Pryzhov, I.G. (1934), "Essays on the history of taverns proliferation", *Essays. Articles. Letters* ["Ocherki po istorii kabachestva", *Ocherki. Stat'i. Pis'ma*], Academia, Moscow, Leningrad, pp. 196-215.
9. Pryzhov, I.G. (1934), "Life of the Russian people", *Essays. Articles. Letters* ["Byt russkogo naroda", *Ocherki. Stat'i. Pis'ma*], Academia, Moscow, Leningrad, pp. 225-254.
10. Pryzhov, I.G. (1934), "Notes on Sibedria", *Essays. Articles. Letters* ["Zapiski o Sibiri", *Ocherki. Stat'i. Pis'ma*], Academia, Moscow, Leningrad, pp. 315-322.

11. Pryzhov, I.G. (1934), "Confession", *Essays. Articles. Letters* ["Ispoved'", *Ocherki. Stat'i. Pis'ma*], Academia, Moscow, Leningrad, pp. 5-29.
12. Pryzhov, I.G. (1958), "Bright Side of the poetic relations of nature and human being", *From the history of Russian-Ukrainian literary relations* ["Svetlaya storona poeticheskikh otnoshenii prirody i cheloveka", *Iz istorii russko-ukrainskikh literaturnykh svyazei*], Kiev, pp. 131-164.
13. Tsamutali, A.N. (1971), *Essays of democratic trend in Russian historiography of the 60-70-ies of the XIX century* [*Ocherki demokraticheskogo napravleniya v russkoi istoriografii 60-70-kh gg. XIX v.*], Nauka, Leningrad, 252 p.